

ПЕРЕЗРОДЫ

„ПЕРЕЗВОНЫ“ „PEREZVONY“

№ 27 (19) — 1926 г. декабрь.

Рига, Редакция и контора L. Kalēju ielā 43
Телеф. 22176 и 23423

Цена номера 1 латъ (50 руб.)
За границей 25 амер. цент.

О комплектах „Перезвоновъ“ см. на слѣд. стран.

Содержаніе:

А. Г. Подвальные очерки.
К. Д. Бальмонтъ. Мигъ открывающій.
Ек. Бунге. Сонетъ.
Почет. акад. И. А. Бунинъ. Подсѣжники.
Вл. Лодыженскій. Старинныя святки (Отрыв. изъ
книги „Далекіе дни“)
Проф. Н. И. Мишевъ. Праздникъ Рождества
Христова (Отраженіе его въ апокрифахъ, дух.
стихахъ, нар. обрядахъ, играхъ, пѣсняхъ).
А. Ремизовъ. Три сказки на святки.
Н. Тэффи. Игнать.
Ев. Чириковъ. Ночь подъ Рождество.

Въ краскахъ:

4 репродукціи съ картинъ

Б. М. Кустодіева — „Гаданье“, его-же —
„На святкахъ“, Бучкури — „Рождественскій
базаръ“, А. Гермашевъ — „Снѣгъ выпалъ“.

Представительства журнала „Перезвоны“

Эстонія — Г. Паю. Ревель, Narju tänar 39. Бѣлокуровъ Дерптъ — Lossi tän № 1.
Литва — „Srauda“. Ковно, Laisves Aleja 76.
Финляндія — Mr. V. Voutilainen, Red. „Novija Russk. Vesti“, Nikolaigoton, No. 19, lok. 2.
Германія — Гиршфельдъ. Берлинъ, Passauer Str. 5.
Чехословакія — Кн. Маг. „Пламя“. Прага 11, Ječna 32.
А. А. Воеводинъ. Прага-Винограды, Nerudova 32.
Австрія — А. Мухинъ. Вѣна I, Petersplatz 9.
Югославія — И. И. Карпенко. Бѣлградъ, Притшинска 52.
Инж. А. Арія (для Хорватіи и Словеніи) — Загребъ, Vlaška ul. 24.

Продажа также въ книжныхъ магазинахъ:

„Славянская взаимность“. Бѣлградъ, Битольска, 30. — „Возрожденіе“. Бѣлградъ, ул. Милоша, 11. — М. А. Суворинъ. Бѣлградъ, ул. Кр. Наталіи 21.
Болгарія — Н. Алексѣевъ. Софія, В. Тырново 17.
Продажа также въ магаз.: А. Курындинъ. — Софія, ул. Царя Освободителя 6.
Турція — Г. Пахаловъ, „Культура“. Константинополь, 385, Grand rue de Péra.
Польша — Изд. „Добро“. Варшава, Gl. poczta Skrzyinka 192.
Румынія — Кн. Маг. „Книга“. Кишиневъ, str. Alexandru cel Bun. 71.
Египетъ — Е. Лауренбергъ. Александрія, 24, Boulevard de Ramleh.
Китай — И. А. Глѣбовъ. Харбинъ, New-Town, p. b. 6.
К. Аверстъ. Тиендзинъ, 20 Council Road. Talati Building.
„Русское Дѣло“. Шанхай, 359, Avenue Joffre.
Соед. Штаты Сѣв. Америки — Central Book Trading Company (А. В. Яременко), 239
East 10 th street. New-York City.
Калифорнія — N. E. W. S. & Company. „Новинка“, 1793, Geary street. San Francisco.
Англія — „Родное Слово“. London W. S. 222. Shaftesbury Avenue.
Франція — Отдѣленіе Издательства — Парижъ (XVI) 20, rue Raynouard, 20.

Продажа въ конторѣ газеты „Русское Время“ и въ магазинахъ:

Арбузовъ, Парижъ, 32, rue d'Anjou.	„Москва“, Парижъ, 9, rue Dupuytren.
„Родникъ“, „ 106, rue de la Tour.	„Маякъ“, „ 22, avenue des Ternes.
„Возрожденіе“, „ 2, rue de Seze,	Е. Сіяльской „ 2, rue Pierre-le-Grand.
И. Поволоцкій, „ 13, rue Bonaparte.	

ПОДСНѢЖНИКЪ

... А еще былъ когда-то въ мирѣ райски свѣжій, чистый и прекрасный цвѣтокъ, Божій ангелъ: была Россія, былъ снѣжный уѣздный городишко, были святочные дни — и былъ гимназистъ первоклассникъ Саша, котораго милая чувствительная тетя Варя, замѣнившая ему родную мать, называла подснѣжникомъ...

Да, вотъ и святки, оттепель, теплые и сырые дни, русскіе, уѣздные, какихъ было уже много, много въ этомъ старомъ степномъ городишкѣ, и пріѣхалъ къ Сашѣ отецъ изъ деревни.

Городскія улицы широки, видъ имѣютъ очень захолустный. И съ утра до предвечерняго времени, до той поры, когда празднично наряженные горожане выѣзжаютъ и выходятъ на катанье, на гулянье, улицы эти пусты и тихи. Людно только на базарѣ, гдѣ торгъ, трактиры — и Елецкое подворье.

Отецъ гимназиста, мелкій помѣщикъ, пріѣхавшій изъ снѣжныхъ полей, изъ глухой, занесенной сугробами усадьбы, кажущейся гимназисту земнымъ раемъ, остановился, какъ всегда, на Елецкомъ подворьи, въ грязныхъ и угар-

ныхъ номерахъ. Отецъ—человѣкъ большой и краснолицый, курчавый и сѣдьюшій, сильный и моложавый. Онъ ходитъ въ длинныхъ сапогахъ и въ романовскомъ полушубкѣ, очень тепло и очень вонючемъ, густо пахнущемъ овчиной и мятой. Онъ все время возбужденъ городомъ и праздникомъ, всегда съ блестящими отъ хмеля глазами. А гимназистъ... Но вотъ въ немъ-то все и дѣло. И какъ передать, выразить все то, что надо сказать о немъ?

Гимназисту одиннадцать лѣтъ, и поистинѣ подобенъ онъ подснѣжнику не только въ этомъ притонѣ „для пріѣзжающихъ“, въ мерзкихъ номерахъ Елецкаго подворья, но и во всемъ уѣздномъ русскіи мирѣ. Онъ такой необыкновенный, особенный? Нѣтъ, ничуть онъ не особенный: развѣ не каждому даетъ Богъ то дивное, райское, что есть младенчество, дѣтство, отрочество?

На немъ новая длинная шинель, свѣтло-сѣрая, съ бѣлыми серебряными пуговицами, новый синій картузь съ серебряными пальмовыми вѣточками надъ козырькомъ: онъ еще

Горюшкинъ-Сорокопудовъ
Goriushkin-Sorokopudoff

„Рождественскій молянь у мордвы“
Christmas adorations in the pagan Mordva

П. Субботинъ — „Пѣснь скомороховъ“

P. Subbotin — „Song of buffoons“

во всемъ, во всемъ новичокъ. И до чего эта шинель, этотъ картузь, эти вѣточки идутъ къ нему, — къ его небесно-голубымъ, яснымъ глазкамъ, къ его чистому, нѣжному личику, къ новизнѣ и свѣжести всего его существа, его младенчески-простодушнаго дыханія, его довѣрчиваго внимательнаго взгляда, еще такъ недавно раскрывшагося на мѣръ Божій, и непорочнаго звука его голоса, почти всегда вопрсительнаго!

А живетъ онъ „на хлѣбахъ“ въ мѣщанскомъ домѣ. Грусть, одиночество, скучные, одинаковые дни въ чужой семьѣ, долгиѣ обѣды подъ неизмѣнно суровымъ взоромъ хозяина, подъ его постоянныя наставленія, нравоученія... Молчаливая, старающаяся быть неслышной, незамѣтной хозяйка, робкія и блѣдныя дѣвочки, ихъ дочки, съ голыми длинными шейками... И какое счастье, какой праздникъ, когда вдругъ у воротъ этого мертваго дома останавливаются деревенскія, набитыя соломой сани, пара запряженныхъ впротяжку лохматыхъ деревенскихъ лошадей!

Отецъ прїехалъ на нѣсколько дней, и вотъ эти-то дни и проводитъ гимназистъ на подворьи.

Отецъ просыпается рано, наполняетъ весь номеръ, и безъ того душный, ѣдимымъ дымомъ махорки, затѣмъ кричитъ въ коридоръ, требуя самоваръ, пьетъ чай и опять курить, а гимназистъ все спитъ и спитъ на диванѣ, чувствуя, что можно спать сколько угодно, что въ гимназію идти не надо. Наконецъ отецъ ласково будитъ его, шутя стаскиваетъ съ него

одѣяло, а гимназистъ молитъ дать поспать еще хоть пять минутъ, три минуты, одну минуточку, а потомъ сразу приходитъ въ себя, садится на диванъ и, радостно оглядываясь, рассказываетъ, что ему снилось, будто у него поддержка по латыни, но только не въ гимназіи, а гдѣ-то на голубятнѣ...

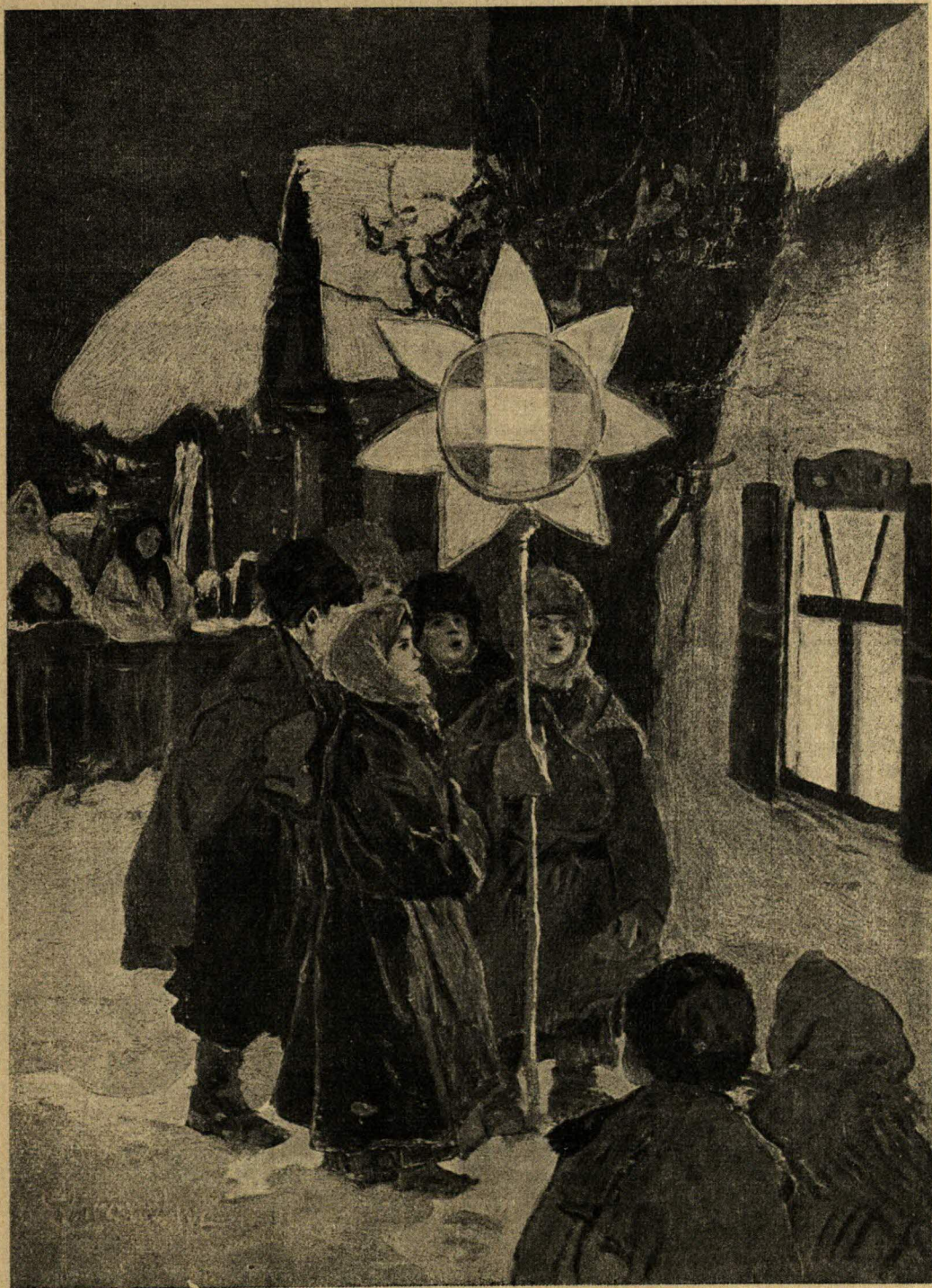
Умывшись, онъ становится во фронтъ и учтиво, но разсѣяннo крестится и кланяется въ уголь, потомъ шаркаетъ отду ножкой и цѣлуетъ его большую руку. Онъ счастливъ, онъ свѣжъ и чистъ, какъ ангель. Онъ кладетъ въ стаканъ цѣлыхъ пять кусочковъ сахару, съѣдаетъ цѣлый калачъ и опять шаркаетъ ножкой:

— Мерси, папочка!

Онъ совершенно сытъ, но отецъ уже надѣваетъ полушубокъ: пора идти на базаръ, въ трактиръ, — завтракать. И, одѣвшись, они выходятъ, бросивъ теплый, полный дыму номеръ раскрытымъ настѣжъ. Ахъ, какъ хорошъ послѣ комнаты зимній сырой воздухъ, пахнушій праздничнымъ чадомъ изъ трубъ! И какой долгій прекрасный день впереди! Какъ удивительно интересно все — и во дворѣ подворья, гдѣ встрѣчаются и радостно кланяются, здороваются знакомые мужики, на ходу закусывающие бѣлымъ хлѣбомъ, и на улицѣ, гдѣ, громко переговариваясь, идетъ городской народъ, и на базарѣ, гдѣ всюду столько разнообразныхъ лавокъ, что глаза разбѣгаются!

Въ трактиръ „чистая“ половина во второмъ этажѣ. И уже на лѣстницѣ, необыкновенно

крутой и донельзя затоптанной, слышно, какъ много въ ней народу, какъ буйно носятся по-
ловые и какой густой, горячій угаръ, дымъ
стоитъ повсюду. Мѣсто для отца все-таки на-
ходится. И вотъ онъ садится, снявъ шапку,
распахнувъ полушубокъ, и сразу заказываетъ
нѣсколько порцій, — селянку на сковородкѣ,
леща въ сметанѣ, гуся, требуетъ графинъ вод-
ки, полдюжины пива и приглашаетъ за столъ
къ себѣ знакомыхъ: какихъ-то рыжихъ мужи-
ковъ въ тулупахъ, какихъ-то чернявыхъ мѣ-
щанъ въ чуйкахъ... Казалось бы, какое муче-
нiе сидѣть въ этомъ чаду, въ этой тѣснотѣ,
среди безконечныхъ и непонятныхъ разгово-
ровъ и споровъ безъ всякой мѣры пьющихъ,
закусывающихъ и пьянѣющихъ людей! Сколь-
ко ихъ кругомъ, этихъ мужиковъ, извозчиковъ,
толстыхъ купцовъ, худыхъ барышниковъ, сколь-
ко красныхъ, распаренныхъ ѣдой, водкой и
духотой лицъ, потныхъ лбовъ, лохматыхъ го-

И. Ижакевичъ — „Колядки“

I. Ijakevitch — „Christmas tide“

ловъ, густыхъ бородъ, чуекъ, армяковъ, полушубковъ, тулуповъ, громадныхъ сапогъ и тающихъ валенокъ, разводящихъ подъ табуретками цѣлыя лужи! Какъ вездѣ натоптано, наплевано, какъ дико и нелѣпо орутъ за нѣкоторыми столиками и какъ ошалѣли половые въ бѣлыхъ штанахъ и рубахахъ, носясь туда и сюда со сковородками и блюдами въ рукахъ и съ задранными головами, межъ тѣмъ какъ спокоенъ только одинъ высокій и худой старикъ, строгимъ и зоркимъ командиромъ стоящій за стойкой! И однако какъ незамѣтно летитъ счастливое время, какъ блаженно и широко раскрыты лазурные глаза гимназиста! Вотъ уже и темнѣетъ, вотъ уже скоро и вечеръ — и новая радость: нынче опять поведетъ отецъ Сашу въ циркъ...

А къ вечеру на Крещенье все это кончается. Городъ принимаетъ смиренный и будничный видъ, пустѣетъ даже базарная площадь — и великое горе надвигается на Сашу: отецъ уѣзжаетъ.

Да, отецъ даже проснулся нынче уже совсѣмъ не такимъ, какъ просыпался всѣ эти святые дни. Онъ прѣстъ, тихъ, чѣмъ-то озабоченъ, онъ собирается, плачетъ, расплачивается.. А тамъ, во дворѣ, уже запрягаютъ лошадей... Послѣдній, самый горькій часъ! Вотъ сію ми-

нуту завяжетъ отецъ послѣдній узелъ — и вдругъ войдетъ коридорный:

— Подано, Николай Николаичъ!

И отецъ, огромный, толстый отъ енотовой шубы, надѣтой поверхъ полушубка, въ черныхъ выше колѣнъ валенкахъ и въ своей большой боярской шапкѣ, сядетъ на диванъ и скажетъ:

— Ну, присядемъ, Сашенька, и Христось съ тобой!

И тотчасъ-же опять встанетъ и начнетъ торопливо крестить, цѣловать его, совать руку къ его губамъ...

А лошади уже стоятъ у крыльца. Онѣ косматы, рѣсницы у нихъ большія, на усахъ задохшее гѣсто — Боже, какой родной, не городской, а деревенскій, зимній, безконечно милый видъ у нихъ! Милыя, деревенскія и эти сани, опять набитыя соломой. И работникъ уже стоитъ въ ихъ козлахъ, въ буромъ и грубомъ армякѣ, надѣтомъ на полушубокъ, съ вожжами и длиннымъ кнутомъ въ рукахъ... Еще минута — и побѣгутъ, побѣгутъ эти лошади, эти сани по Успенской улицѣ вонъ изъ города, въ сѣрыя снѣжныя поля — и прости, прощай, счастливѣйшая въ жизни недѣля!

— До свиданья, Сашенька, Христось съ тобой!

Ив. Бунинъ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ТРИ СКАЗКИ НА СВЯТКИ

КРОТКАЯ

Жилъ одинъ человекъ со своею женой: Улита была набожна и была кроткая. Жили ладно — хорошо — богато. И случилось: не задача въ дѣлахъ; а зацѣпило и все пошло въ пропадь. День-ото-дня хуже. Плохо имъ зажилося. Тутъ бы человекъ — держись, бѣда прѣтъ на лежачаго! а Клима сплеховаль, не твердый. Клима въ кабакъ. Еще стало плоше. Вечеромъ домой пьяный. Да лучше бѣ не возвращаться: и Улиту жалко, и досада беретъ: нѣтъ и нечего ждать, а она про чудо! — и ничего-то не скажетъ, не попрекнетъ, кротко смотреть — (вѣра это! вѣрнымъ свѣтомъ сморить) —

*

Пришелъ въ кабакъ. Весь день просидитъ: денегъ нѣтъ, а выпить охота. Такъ пошелъ, запечалился: денегъ нѣтъ, продать нечего.

„Кто бѣ, — думаетъ, — денегъ далъ, такъ жену бы продалъ бы!“

— — —
навстрѣчу какой-то —

„Что, — говоритъ, — думалъ?“

„А думалъ, надо сказать по правдѣ: кто денегъ далъ бы, такъ я свою жену бы продалъ.“

„Дамъ, только приведи жену: въ ночь къ зарѣ вставай, веди жену!“ — и число

назначаетъ и въ такое-то мѣсто.

„Гдѣ ты деньги возьмешь?“

„Я тебѣ выкопаю кладъ — что денегъ страшно много.“

— — —

*

Вотъ живутъ. Улита того дѣла не знаетъ, что онъ такъ ее продалъ: она свое — она вѣрять, а онъ скучный, ночь не заснетъ, а заснетъ, зубами скрежещетъ. Наступаетъ срокъ: надо вести.

— Пойдемъ, — говоритъ, — въ одномъ мѣстѣ есть у насъ за полянками большой кладъ. А безъ тебя не дается, и мы получимъ его: много денегъ получимъ. Ты сама видишь, какъ намъ живется плохо. Тогда будемъ жить хорошо.

Улита пошла. Идутъ. Клима впереди. Жалко ему: вѣдь жили-то какъ! — ну что же дѣлать?

При пути церковь.

Улита ему объясняетъ:

— Я схожу въ церковь помолиться, а ты обожди минуточку.

— Иди.

Она зашла въ церковь. И какъ дома — къ Божьей Матери: стала, смотреть — ничего ужъ не говоритъ словами — смотреть — и заплакала. Да такъ въ слезахъ и заснула.